

Блейк вздохнула, пытаясь удержать Жона на ногах. Пусть тот не был особо крупным парнем, но он был на голову выше неё, а также носил на себе оружие. Да и он сам не особо помогал себя транспортировать. Он выглядел пьяным и едва мог передвигать ногами, периодически закатывая глаза.

— Ну же, Жон! — тяжело сказала она.

— Хватит тут драму разводить, — добавила Вайсс, держащая Жона за другую руку. — Не могу поверить, что ты себя так чувствуешь после небольшого сбора крови!

— Пролилось очень *mucho sangre* (с исп. Много крови), чика, — Жон запнулся. — Док неизменно тот ещё мудила.

— Хватит коверкать наш язык. Просто скажи нормально, что он ужасен, Жон, — сказала Вайсс. Затем. — Эй! Куда руки положил!

Они были уже на полпути к общежитию, но это воспринималось как бесконечно далеко.

— Нет, речь идёт о глагольном времени, которого нет в вашем английском, или на каком языке вы все разговариваете, — начал он, немного выпрямляясь. — «Инвариантное быть». Означает постоянное состояние или повторяющееся в течение определенного времени действие. Между «док - мудила В ДАННЫЙ МОМЕНТ» и «док - мудила В ПРИНЦИПЕ» есть грамматическая разница (П.П; речь идёт о словообразовывающем глаголе “Habitual be” и я не знаю, как адаптировать это на русский).

Жон иногда так делал. Создавал впечатление, будто действительно знал, о чём говорит. Но, по опыту Блейк, это касалось только всяких глупостей или того, что, как она была уверена, тот выдумал. Но это? Она и сама иногда пользовалась этой формой речи, хотя ей никогда не объясняли, что это такое. Это была особенность диалекта фавнов. Было очень странным, что Жон знал о ней, а также активно пользовался.

— Если помощь мне тебя так оскорбляет, то могла бы попросить кого-нибудь другого, — сказал он.

— Шэмрок ушла играть с кем-то в карты, а нас заставили, — фыркнула Вайсс. — Товарищи, помнишь? Вопреки всему здравому смыслу.

— Карты? Ах, да. Карточка. Думаю, я ей нравлюсь. Можно было попросить помочь её. Хотя, думаю, если я отключусь, то та станет трогать меня в неположенных местах.

Блейк тащила Жона вперёд.

— Она? Аргх. Не упоминай её имя при мне.

— Вы знакомы?

Она пожала губы.

— Ага. Первый вечер в школе. Она сказала мне, что мы сёстры по... уф... «Комитету Плоскодонок». Я заперла её внутри здания, и мы больше никогда не виделись. Мелкая извращенка.

Жон рассмеялся.

— Очень похоже на неё. Неудивительно, что мы с ней ладим.

Блейк закатила глаза.

— Да, неудивительно.

— Она из того типа девушек, которые согласятся пойти с тобой в стрип-клуб, — мечтательно произнес Жон. — Как сейчас помню, когда посещал такой со своим братом из армейки. Нужно выбрать не абы какой, а хороший, с самыми горячими девчонками. С нами туда пришла пара лесбиянок, и это было...

— Жон! — разозлилась Вайсс. — Я не желаю слышать о том, чем ты там занимался с кучкой голых фавнов.

— Почему ты заочно предполагаешь, что речь идёт о фавнах? — с усмешкой возразила Блейк.

— Мы уже обсуждали это в кафе. Голые животные танцующие за деньги – это отвратительно.

— ТЫ отвратительна! — прошипела Блейк. — Кем ты себя вообще возомнила? Эти бедные девушки в таком отчаянном положении, что им приходится выходить на сцену и танцевать для незнакомцев без одежды!

Жон наклонил голову, наблюдая за их спором.

— Вообще-то девушка на моих коленях была студенткой местного колледжа. Бандз заставил её танцевать, и мы в это время болтали о философии и подобных вещах. Держу пари, что в нашей школе ей хотя бы одна Охотница, которая занимается тем же самым, чтобы оплатить учёбу.

— Заткнись! — они оба прикрикнули на него.

Он облизнул губы.

— Это классовая фишка. Социэкономика. Нам просто нужно сожрать богатых и перераспределить их средства. Это тебе не демократия, это... не помню, как оно называется.

Блейк скривилась, переводя взгляд на передающую башню.

— Возможно.

На лице Вайсс появилось усталое выражение.

— Просто прекрасно. Теперь вы коммунисты. Вы ведь в курсе, что переход на провалившуюся экономическую систему – это самоубийство, верно?

Жон покачал пальцем, на распев произнося.

— Долой буржуазию, жри богатых, дави землевладельцев, насади на вилы любого, у кого в кармане больше 25 Лён, убей каждого, вне зависимости от их политических убеждений.

— А. Белый Клык. Теперь всё понятно, — сказала Вайсс, её глаза сузились до маленьких щёлочек. — Теперь у меня отпали все вопросы.

Блейк прокашлялась. Её кошачьи ушки дёрнулись под бантиком, и она поправила его плечом.

— Белый Клык не про это. По крайней мере, так было раньше.

— Как будто ты в них знаток, — насмешливо хмыкнула Вайсс. — Мне казалось, ты их ненавидишь. Так настаивала, чтобы мы их остановили.

— Потому что они совершали преступления и причиняли вред людям.

Вайсс сделала размашистый жест рукой, как бы говоря: «Да неужели». Из-за этого у Блейк начали чесаться руки.

— Вот именно! Они просто кучка озлобленных животных.

— Хватит их так называть!

— Животные. Животные, животные, животные!

Блейк пришла в ярость. Как жаль, что у неё не было когтей, как у её отца. Тогда она бы смогла вырвать этой суке глотку. Животное - худшее слово, которым человек мог назвать фавна.

Меньше, чем люди, просто раздражающие звери. Разговор с Вайсс почти заставил Блейк понять Адама и его непримиримую ненависть, то клеймо ПКШ, которое выжжено у него на глазу.

Но она пришла в Бикон, чтобы всё исправить. Стать примером для других фавнов. По-настоящему спасти других людей. Ты никогда не станешь равным людям, если они считают тебя монстром и террористом. Блейк хотела заслужить уважение, заслужить своё место за столом. А не стать домашним питомцем или презираемым террористом. Это был третий вариант. Не прогибаться под людей, но и не набрасываться на них. Стать тем, кем, по их словам, ты быть не можешь, доказать, что они ошибаются.

Но Вайсс? Вайсс?

— Аргх! — закричала Блейк, достаточно громко, чтобы заставить Жона вздрогнуть. — Как же ты меня бесишь! Чванливая принцесска, выросшая в башне из слоновой кости. Ты хоть знаешь, каково это – быть фавном? Скольких из них твоя семья сгноила на заводах и в шахтах, Вайсс? А?

— А ты знаешь?

Блейк чуть не сорвалась. Чуть не выкрикнула: «Да!», сорвав с себя бантик, обесценив все усилия по своей маскировке. Её глаза не переставали дрожать, желая привлечь их внимание, снять ленточку. Но нет. Не сейчас. Не перед Вайсс с Жоном. Эти люди не уважали её, даже думая, что она человек, о фавне и говорить нечего. Обычное животное, которое следовало подчинить и запихнуть в стрип-клуб.

— Как я и думала, — высокомерно произнесла Вайсс. — Так что перестань делать вид, будто знаешь, о чём говоришь. Твоя сентиментальность тебе только навредит, Блейк. Мы, как Охотницы, должны подходить к этому достойнее. Достойнее наших сверстников. Быть выше этого. Именно это отличает нас от обычных людей.

Блейк зарычала.

Жон вздохнул и крепче обхватил их за плечи, словно пытаясь приблизить друг к другу. Его щетина царапала ей лицо.

— Опять Чёрные против Белых. Неужели вы не понимаете, что это богатые пытаются разобщить рабочий класс?

— Она ни дня в своей жизни не проработала, — пробормотала Блейк, глядя куда угодно, но не на своих презренных товарищей по команде.

— Кто бы говорил, — издевательски произнесла она. — Ты бы и дня на моём месте не

продержалась.

— О, ну конечно, — ответила Блейк, закатив глаза. Дверь в их комнату была совсем рядом. Ещё чуть-чуть. — Как бы я смогла выжить, окружённая всеми этими деньгами, слугами и частными репетиторами?

— Я бы тоже не продержался - не умею ходить на каблуках, — буркнул Жон. — Но мне ничего не мешает хотя бы попробовать. Верно, я ещё заставлю эти каблуки заработать, детка (П.П; отсылка на песню «Don't Threaten Me With a Good Time»).

— Ты можешь хотя бы на один день перестать принижать женщин, Жон? — зло проговорила Вайсс, ища в кармане ключ-карту от их комнаты. — Я никогда в жизни не видела большего сексиста, чем ты.

— Все девки - продажные шлюхи, и я буду распространять своё учение среди людей, — издевательски сказал он. — Но вы двое ничё так. Нам стоит ещё немного поработать в команде, пока я не начну вам нравиться.

— В таком случае, как насчёт начать с того, чтобы перестать вести себя как свинья?

Блейк почувствовала, что в этом высказывании имелся расистский подтекст.

Когда девушки, наконец, добрались до их комнаты, Шэмрок уже лежал в своей постели, хмуро глядя в свой кошелёк.

— Здравова. Как прошла ночка? — спросил он/а.

— Сейчас не лучший момент, Шэмми. Вайфу готовы рвать и метать, — сказал Жон, пытаясь выбраться из хватки девушек, которые сразу его отпустили. Он споткнулся и упал лицом на кровать. — Отстой. Мне нужно открыть краудфандинг и собрать деньги на новые ноги, потому что мои текущие не могут выстоять отравляющее присутствие этих баб.

— Что мы тебе только что сказали, Жон? — нахмурилась Вайсс.

— Понимаю. Меня сегодня обыграли вчистую и обнесли до нитки, — ответил Шэмрок, лениво качая ногой. Беспольный собеседник чувствовал паршивое настроение Блейк и Вайсс и, видимо, его это беспокоило. — Что-то произошло?

— Я иду в душ, — ответила Вайсс и, прежде чем кто-то успел её остановить, умчалась в ванную. Когда Блейк обернулась, Жон уже снял с себя верхнюю одежду и теперь пытался расстелить свою плотно заправленную кровать.

— Зараза, холодно, — сказал он. — Слишком большая концентрация расово-классового конфликта в воздухе.

Шэмрок бросил на Блейк обеспокоенный взгляд.

— Вайсс может быть той ещё стервой, да?

— Я всё слышала! — крикнула Вайсс через дверь ванной.

— Либо выходи прямо сейчас без одежды, либо оставь нас в покое! — крикнул в ответ Жон, не открывая глаза. — И верни мне мою косметику!

— На ней не написано, что она твоя!

Блейк уткнулась лицом в ладони, сидя на кровати. Её уши не переставали подрагивать. Её напарник был сексистом и моральным уродом. Её сокомандниками являлись гендерфлюид с игровой зависимостью и богатая расистка. Этого ли она хотела? Неужели ради этого она и покинула Белый Клык и поступила в Бикон? Она уже давно чувствует, как её жизнь разваливается на части. Девушка надеялась, что Бикон всё исправит, расставит всё по своим местам. Но в итоге дела лишь окончательно пошли под откос.

Так не должно было быть. Всё должно было случиться по-другому. Это неправильно. Ужасно! На мгновение её даже посетила мысль, а что, если этот бессердечный манипулятор Адам был прав.

Всё неправильно, неправильно, неправильно!

Она не смогла сдержать всхлипы. Слёзы сдержать оказалось ещё труднее. Но она должна быть сильной. Она не могла поддаться этим чувствам. Она ведь Блейк Беладонна! Боги, что бы сказал её отец, увидь её такой? У неё не получалось выбросить из головы образ улыбающегося Адама, полностью убеждённого в своей правоте. Её хотелось что-нибудь сломать. Просто убежать и... и... и...

Она почувствовала руку Шэмрок на своём плече, но, подняв голову, вместо него увидела перед собой Жона, неестественно бледного и в одних трусах.

— Не трогай меня! — прошипела она, отпихивая его от себя. Он без особого сопротивления упал, растянувшись у подножья её кровати. Парень выглядел ещё более растерянным, чем обычно, что впечатляет, учитывая, что речь идёт об алкоголике, который иногда даже имя своё не может вспомнить. Блейк всхлипнула и вытерла слёзы рукой.

Жон снова сел, но в этот раз не стал к ней прикасаться. Шэмрок, потеряв в росте пару сантиметров, по-прежнему лежал в своей кровати, при этом кидая на Жона угрожающие

взгляды. Словно был готов в любой момент сорваться с места и оторвать Жону голову, если тот сделает что-то не то.

Положив руки на колени, парень начал говорить мягким, совершенно не похожим на себя голосом.

— Я... Да. Я понимаю, Блейк.

— Понимаешь что? — одновременно насмешливо и горько спросила она.

Он покачал головой.

— Да ничего, на самом деле. Я не собираюсь притворяться, будто осознаю, как ты себя чувствуешь.

— Тогда замолчи и не пытайся!

Жон посмотрел на неё с грустью, что почему-то разозлило её ещё больше.

— Мы ведь напарники. Пусть я нихренашеньки не знаю, я... я должен сделать всё, что в моих силах, подруга.

— Вот только силёнок у тебя маловато на это, Жон.

Он никак не отреагировал, вместо этого просто посмотрел в потолок, будто ища ответа у высших сил.

— Не этой жизни ты хотела, верно?

Она слегка вздрогнула.

— Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моей жизни.

На его губах расплылась широкая, но при этом грустная улыбка.

— Был у меня кореш, который пытался покончить с собой. Я знал, к чему всё идёт, но ничего не сделал. После неудачной попытки он меня спросил, буду ли я рядом, если это понадобится. Но в ответ я лишь усмехнулся и сказал: «нет». Сказал, что, надеюсь, мне когда-нибудь доведётся прийти на его похороны, зная, что я мог это всё предотвратить.

— Тебе стоит поработать над своими мотивационными речами, — нахмурившись, сказала она.

— Удваиваю, — добавил Шэмрок с угрозой в голосе.

Он покачал головой.

— Нет. Потому что этот придурок после моего ответа разразился хохотом. Впервые за долгое время он улыбнулся. Я заставил его написать письмо девушке, которая разбила ему сердце и заставила чуть не свести счёты с жизнью. Он попросил зачитать его вслух. Затем мы вместе раскурили сигарету и сожгли письмо. Это было так сюрреалистично: разные люди с разными предысториями, сведённые вместе боевой школой. Я - белый парень из Флориды, он - светложкий, эээ, фавн из Портленда. Полуфавн, точнее. Но мы все равно оказались братьями по несчастью.

— Я знаю, что у парней это иначе. Для нас - подколы и оскорбления это способ выразить привязанность. Заботу. Но иногда этого недостаточно. Я чувствовал, что ему не нужна банальная жилетка, в которую можно поплакаться. Когда я узнал, что он попал в больницу из-за петли на шее, я сам в этот момент лежал в больнице. Напившийся до потери самообладания и кричащий о том, что я полный неудачник и мне следует покончить с собой. Мне не удалось убежать от своих проблем, покинув родной дом, и эти проблемы настигли меня, но теперь они засели глубоко внутри. Они сломали меня за одну жалкую ночь, стоило мне только позволить им поднять свою мерзкую голову.

— Так что я знаю, каково это, Блейк. Нельзя убежать от того дерьма, которое причиняет тебе боль. Вместо этого нужно просто взглянуть ему в глаза и посмеяться над ним вместе с друзьями, после чего вдарить по его тупому, улыбающемуся лицу. И правильный подход к этому у каждого разный. Мне вот помогает встать на колени и поговорить с Христом. Каждый на это способен, но каждый по-своему.

— Я не понимаю, о чем ты, Жон.

Он подавил вздох и натянуто улыбнулся.

— Меня не волнуют, какие демоны тебя терзают. Я не чей-то личный Иисус. Иными словами - если ты не хочешь мне ничего рассказывать, значит, я не хочу ничего знать. Но даже если ты считаешь меня сексистом и фашистом, я все равно останусь рядом с тобой. Можешь оттолкнуть меня, ведь другого я и не заслуживаю, но я все равно продолжу пытаться. Вайсс, возможно, та ещё стерва, но она тоже сбежала от Атласа, понимаешь, к чему я клоню?

Он... практически смог её зацепить. Как бы абсурдно это ни звучало. Он был словно умственно отсталый щенок, пытающийся ластиться к тебе, но не осознающий, что лижет лишь воздух.

— Вот только это не оправдывает её слова. Как и твои поступки.

Жон покачал головой, проведя рукой по трёхдневной щетине.

— Разумеется. Вот только когда дело дошло до драки, там, в магазине Праха, мы все сражались бок о бок. Именно ты хотела остановить Белый Клык, но, несмотря на наши разногласия, мы все пришли тебе помочь. Можешь считать это обещанием, Блейк, мы всегда будем рядом. Пусть мы и не самые близкие тебе люди, даже не друзья, но мы прикроем тебе спину, несмотря ни на что. Верно я говорю, Шэмрок?

Шэмрок медленно кивнул.

— Пусть Жон и придурок, а вы, девочки, только и делаете, что собачитесь, но да. Мы команда BASS и всё из этого выходящее.

— Команда BAdaSS, — важно сказал Жон, кивая. Он немного поколебался, прежде чем положить ей руку на плечо. Она подавила желание снова отпихнуть его. — Если тебе слишком тяжело, так и скажи. Если нужно, даже убеги в безопасное место и спокойно там выговорись, хорошо? Никто тебя за это не осудит. Но никогда не забывай, что, как минимум я готов прикрыть тебе спину, пусть у меня и паршиво это получается. Мы слушаем тебя. Поможем. Проявим заботу, но не как к беспомощному ребёнку, а как к сестре по оружию или что-то близкое к этому.

Он отвел взгляд, его щёки заалели. Из-за приливающей к ним крови он выглядел пьяным.

— Никто из нас не умеет нормально подбадривать, но суть ты уловила. Довольно неловко, но я сказал всё, что хотел, Блейк. Ты и я против всего мира. Давай докажем этим ублюдкам, что они ошибались на твой счёт.

Её глаза сузились.

— Ошибались в чём?

На его лице появилась знающая улыбка. Её кошачьи уши начали гореть, ей не понравилось, к чему тот клонит. Он сразу это почувствовал и просто подмигнул.

— Дай нам шанс, и я умру за тебя. Я не шучу. Думаю, это касается и всех остальных. Это меньшее, чем я могу отплатить тебе за то, что ты меня пока ещё не убила.

— Пока ещё.

— Так держать, — сказал он, покачивая пальцем. Она заметила, что больше не плачет. Когда это успело произойти?

Жон встал и потянулся, уперев руки в поясницу.

— В общем, да. Команда. Мы с тобой. До тех пор, пока ты готова нас хотя бы терпеть - я сотрусь ради тебя в порошок, подруга, — он выдохнул, разминая руки. — Звучало неплохо, скажи?

Каким-то образом она смогла улыбнуться. Едва заметно. Жон по-прежнему был засранцем. Но... сложно сказать, что изменилось. На краткий миг она почувствовала искру надежды. Впервые с тех пор, как её приняли в Бикон, она почувствовала, будто взяла свою жизнь под контроль. Недостаточно, чтобы она почувствовала себя по-настоящему хорошо - она всё ещё ненавидела команду BASS, но теперь...

— Возможно, — нейтрально сказала она.

Он усмехнулся, широко раскрыв глаза.

— Я не услышал «нет», значит, буду расценивать это как согласие, — сделав пару шагов назад, этот голый придурок рухнул на свою кровать и уставился в потолок.

Она вздохнула и закатила глаза.

— Как скажешь, Жон. Как скажешь. Ты все равно та ещё сволочь.

— А ты хотела, что бы было иначе?

— Да. Однозначно да.

— Моя девочка, — одобрительно сказал он, укутываясь в одеяло и замолкая.

Блейк лишь вздохнула. Ей больше ничего не оставалось.

Сегодня была тяжёлая ночь, и даже не по той причине, по которой она ожидала изначально. Никто не умер или пострадал. Хотя, кинув взгляд на Жона, она поправила себя: никто из тех, кто ей нравился, не пострадал. По сравнению с ночью ограбления, это были просто цветочки.

Но, да.

Чертовски тяжёлая ночь.

Она хотела, чтобы сегодняшний день просто закончился, и она могла снова сосредоточиться на причине, по которой пришла в Бикон. Настоящей причине. Показать всему миру, что они ошибались насчет фавнов. Доказать им свою правоту самым лучшим способом - став

настоящим героем, защищающим фавнов и всех остальных, став Охотницей.

Но сейчас? Даже учитывая весь этот бардак? Сложно сказать. Но она чувствовала, что всё измениться к лучшему.

<http://tl.rulate.ru/book/110495/4273745>